

„Утро России“, г. Москва.
1914 г. декабрь.

Пещерный театр.

Из Инди в Ирандію. Путешествіе по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта,—какъ въ свифтовыхъ «Приключеніяхъ Гулливера».

Полюсъ или экваторъ; середины для Камернаго театра не существуютъ. Камерный театръ всему на свѣтѣ предпочитаетъ негритянскій,—какъ герой въ разсказѣ у Леонида Андреева.

«Есть души, присужденныя къ скитаніямъ». Аслановъ превращается въ Магеллана, Подгорный превращается въ Кортеса,—оба съ выработаннымъ московскимъ «акалоющимъ» говоромъ.

Надо ожидать, что скоро въ приключеніяхъ этихъ камерныхъ Гулливеровъ появится еще одна новая страница. На географическихъ картахъ не останется бѣлыхъ пятенъ; всюду проникнетъ Камерный театръ въ поискахъ своего репертуара.

Даже «Ирандскій морякъ» можетъ показаться слишкомъ прѣснымъ для этого театра.

Скоро мы застанемъ его липодѣвъ гдѣ-нибудь въ неизслѣдованныхъ дебряхъ центральной Африки.

Толпа мѣстныхъ жителей окружаетъ актёровъ. Бѣлые зубы на черныхъ лицахъ, и Подгорный выматривается въ нихъ съ напряженнымъ вниманіемъ:

— Бѣлые зубы—это моя специальность.

Слышите прекрасный «акалоющій» голосъ Асланова:

— Хорошо! Здѣсь не скушно.

Режиссеръ Таировъ шепчетъ на одеждѣ негритянскаго повелителя пуговицу, за которую можно было бы взяться. Но пуговицы нѣтъ по той простой причинѣ, что нѣтъ и одежды.

Скользя въ разочарованнымъ взглядомъ по черному лоснящемуся тѣлу, Таировъ произноситъ:

— Скажите, пожалуйста, нѣтъ ли у васъ него-нибудь такого... литературныхъ па-

митниковъ отъ второго вѣка по Рождеству Христовомъ?

Негритянской король, узнавъ отъ переводчика,—вѣроятно, переводчикомъ будетъ г. Бальмонтъ, специалистъ по отдаленнымъ и неизвѣстнымъ нарѣчіямъ,—чего хотятъ чужеземцы, еще сильнѣе обнажаетъ свои ослѣпительные зубы.

И Подгорный смотритъ ему въ ротъ.

Переводчикъ сообщаетъ путешественникамъ:

— Здѣсь не знаютъ, что такое литература.

— Не можетъ быть!—воскликаетъ режиссеръ,—но, вѣдь, они вѣдаютъ своихъ плѣнниковъ? Это и есть драматическая литература, какъ ее понимаетъ нашъ театръ. Послѣ «Ирандскаго героя» намъ ничего больше не остается, какъ поставить пьесу, въ которой дѣйствовали бы настоящіе плѣдѣды.

Улыбка негритянскаго короля дѣлается все шире и ослѣпительнѣе. Онъ протягиваетъ руки, намѣреваясь схватить одного изъ путешественниковъ.

Онъ пенялъ, что такое литература; сейчасъ путешественники убѣдятся, что въ центральной Африкѣ она находится въ полномъ расцвѣтѣ.

Подгорный готовъ самъ вскопить въ ротъ негритянскому королю...

Только счастливая случайность какая-нибудь спасетъ камерныхъ изслѣдователей отъ детальнаго ознакомленія съ африканской литературой.

Но зрители, по всей вѣроятности, не спянутъ. Рано или поздно мы увидимъ Африку на Тверскомъ бульварѣ. Переводъ Бальмонта и зубы Подгорнаго.

Какъ ослѣпительно будутъ сверкать эти зубы на черномъ лицѣ!

Сдѣловало бы Камерному театру избрать другое названіе. Напримеръ:

— Пещерный театръ.

Н. Т.